

УДК 340

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-24-37

МАРГИНАЛЬНОСТЬ И ИЗГОЙСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС И ОБРАЗ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ XI–XIII ВВ. ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Калинина Е. Ю.

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, д. 48, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Раскрыть особенности социально-правового статуса изгоя (маргинала) на историко-правовом материале Средневековой Руси и Испании в период с XI по XIII вв. и выявить концептуально-методологическую основу и перспективы такого исследования.

Процедура и методы. Исследование проводилось в рамках культурно-антропологической парадигмы, что позволило наметить новые пути для изучения вопроса, который в современной историко-правовой науке, как в России, так и за рубежом, остаётся малоисследованным. Намечены пути для сравнительно-правового исследования данного вопроса, что позволит, используя метод аналогии, сделать обоснованное предположение об особенностях социального и правового статуса изгоев (маргиналов) в Средневековой Руси и Испании в период с XI по XIII вв.

Результаты. Выявлены островные трудности изучения изгоев (маргиналов) и их причины с использованием классической методологии, показана необходимость применения постклассической методологии в историко-правовой науке и выявлены перспективы дальнейшего исследования вопроса. Показаны особенности социального и правового статуса такой социальной группы, как изгои (маргиналы), на историко-правовом материале Средневековой Руси и Испании в период с XI по XIII вв. Выделены критерии разделения на подгруппы. Показано, что дальнейшее изучение должно базироваться на анализе источников по этим подгруппам, поскольку изгой (маргиналы) – это не компактная группа, а реконструкция совокупности лиц по одному признаку – «выпадению» из социальной структуры, вне зависимости от причин такого «выпадения».

Теоретическая и/или практическая значимость. Разработан анализ социального и правового статуса изгоев (маргиналов) и его перспектив на историко-правовом материале Средневековой Руси и Испании в период с XI по XIII вв., что определяет перспективы дальнейшего изучения вопроса в рамках постклассической историко-правовой методологии при проведении междисциплинарных сравнительно-правовых исследований.

Ключевые слова: Древняя Русь, изгой, маргинал, правосознание, социально-правовой статус, средневековая Испания

MARGINALITY AND OUTCASTNESS AS A SOCIAL AND LEGAL STATUS AND IMAGE OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN MEDIEVAL RUSSIA AND SPAIN OF THE XI–XIII CENTURIES. AN EXPERIENCE OF COMPARATIVE HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

E. Kalinina

*Herzen State Pedagogical University of Russia
Naberegnaya reki Moika 48, St. Petersburg 191186, Russian Federation*

Abstract

Aim. To disclose features of the social and legal status of the outcast (marginal) on the historical and legal material of Medieval Russia and Spain in the period from the 11th to the 13th centuries and to identify the conceptual and methodological basis and prospects for further research.

Methodology. The research was conducted within the framework of the cultural and anthropological paradigm, which allowed outlining new ways to study a largely unexplored and poorly understood issue in modern historical and legal science, both in Russia and abroad. The directions for comparative legal research of this issue allow, using the method of analogy, to make a reasonable assumption about the peculiarities of the social and legal status of the outcasts (marginals) in Medieval Russia and Spain in the period from the 11th to the 13th centuries.

Results. The main difficulties of studying the outcasts (marginals) are revealed by using classical methodology. The necessity of applying postclassical methodology in historical and legal science is shown, and prospects for further research of the issue are indicated. The features of the social and legal status of such social group as the outcasts (marginals) are demonstrated on the historical and legal material of Medieval Russia and Spain in the period from the 11th to the 13d centuries. The criteria for dividing into subgroups are highlighted. It is shown that further study should be based on the analysis of sources for these subgroups, since the outcasts (marginals) are not a compact group, but a reconstruction of a set of individuals and little groups on one basis of «falling out» of the social structure, regardless of the reasons for such «falling out».

Research implications. The research is a conceptual and methodological development of the analysis of the social and legal status of the outcasts (marginals) and its prospects on the historical and legal material of Medieval Russia and Spain in the period from 11th to the 13th centuries, which determines the prospects for further study of the issue within the framework of postclassical historical and legal methodology when conducting the interdisciplinary comparative legal research.

Keywords: Medieval Russia, outcast, marginal, legal conscience, social and legal status, Medieval Spain

Введение

Вопросы, кто такие древнерусские маргиналы и изгой и каков их социально-правовой статус, в русской исторической литературе не новы. Каждый известный историк в той или иной мере касался его, хотя и не уделяя этому вопросу особого внимания, но в связи с упоминанием в тех или иных (немногочисленных) источниках. Отдельные очерки после Н. В. Калачова, который, вероятно, и открыл эту историческую дискуссию на научном уровне, в своих исторических работах по истории Древней Руси изгоям посвятили, например, М. Ф. Владимирский-Буданов, Б. Д. Греков, И. Я. Фроянов и М. Б. Свердлов. Н. В. Калачов открыл заодно и возможность сравнительно-правовой перспективы в изучении этого вопроса. Однако выводом всех изысканий, пока наиболее вероятным, остаётся известное заключение своих размышлений Б. Д. Грековым, который заявил, что «в заключение очерка об изгоях не могу не сказать, что эта катего-

рия зависимого населения древнерусского государства меньше всех других поддаётся изучению. Здесь поневоле приходится ограничиваться главным образом более или менее обоснованными предположениями» [4, с. 255]. Зарубежные исследователи также до сих пор не могут обосновать сущность социального статуса этих людей, которые по ряду причин «выпадали» из политико-правовой структуры. Они вытеснялись во всех смыслах на периферию, в т. ч. с точки зрения отношения к ним тех, кто занимал своё законное место в этой системе. Как замечают иностранные учёные, их положение характеризовалось исключением [20, р. 186]. Процесс исключения также был вызван перестановками в рамках различных социальных групп, что вызвало «отсечение» и маргинализацию тех, кто не вписывался в новый порядок. В результате к раннему Новому времени формируется так называемое сегрегационное законодательство, которое преследует множество целей,

включая остракизм и унижение [30], подчёркивая намеченный в XI–XIII вв. разрыв между группами, находящимися внутри идентификационного политико-правового пространства и на его периферии.

Впрочем, думать, что это единственный вариант отношения к маргиналам и изгоям (как к жертвам), ошибка. В правовой культуре сформировался двойственный образ этих индивидов и социальных групп: подобное положение может быть временным или постоянным (например, выкупившиеся на волю холопы на Руси), отдельные индивиды могут с лёгкостью переходить из одного социального статуса в другой (посвящение в рыцари в Кастилии в силу исторических обстоятельств происходило, невзирая на происхождение), а нередко из статуса маргинала – в статус члена определённого сословия, в т. ч. уважаемого (так, известны случаи, когда помещики в Испании ночами брались за оружие и уходили в горы заниматься контрабандой и грабежом; члены банд, «добровольно» покаявшись, т. е. когда они были на грани поимки, могли быть прощены и возвращены в общество). Некоторые маргиналы унижены и изгнаны (потерявшие социальный статус вследствие совершения поступка, несовместимого с проживанием в общине), но в ряде случаев могут отдавать приказы свободным и привилегированным (например, королевский раб в Европе, княжий холоп на Руси).

Правовой статус некоторых маргиналов, напротив, оказывается настолько ущемлённым, что они не в состоянии изменить его, например, вернуться в ту группу, которую они покинули, или попасть в новую, которая позволила бы им обладать некоторым набором прав. В науке существует мнение, что изгой, обладавший ранее всеми правами в своей социальной группе, выходя из неё, как бы оказывался вне закона и, скорее всего, уже не мог бы восстановить свой социальный и правовой статус. Но в целом мы не можем согласиться с этим, пусть авторитетным, мнением, поскольку оно основано на представлении об обществе государства современного типа, когда социальные перегородки между вполне усто-

явшимися социальными группами стали практически непроницаемыми, и человек, который оказался вне своего сословия, мог только опускаться на самое дно (например, наблюдения В. Крестовского, изложенные им в литературной форме).

Существует дискуссия: одни авторы настаивают на том, что социальная структура в раннем средневековом европейском государстве была определённой и жёсткой [7], другие склоняются к тому, что сословия только начинают формироваться к раннему Новому времени, что свидетельствует о становлении государственности современного типа [5].

Если говорить о понятиях, мы будем использовать современное понятие «маргинал» в силу его широты и отсутствия негативной лексической коннотации (как в случае с изгоем, когда само слово уже формирует определённый образ). Мы не будем вдаваться в тонкости указанных понятий, подразумевая широкие слои населения, которые не всегда компактно группировались (хотя встречались исключения, например, евреи в средневековой Европе). Нередко, по мысли А. Н. Полякова, изгойство – это не групповой, а личный статус, поскольку они не составляли компактной группы, крупной социальной общности. Оказавшись вне своего окружения, вне социальной структуры, независимо от того, к какому слою они принадлежали, силой абстрактной мысли исследователя они превращались в группу [12].

Примерно то же самое об испанских средневековых маргиналах писала Б. Медина. По её мнению, маргинал не принадлежал к определённой чётко ограниченной социальной группе. Нельзя составить «профиль» маргинала, т. е. дать закрытый перечень основных определяющих признаков [27]. Именно поэтому современному историку права прежде всего необходимо понимать, что маргиналы – это своего рода «воображаемое сообщество» (по Б. Андерсену), т. е. сконструированная правосознанием социальная группа. Такие конструкты сохраняются в исторической памяти даже дольше, чем су-

ществует какой-то политический или правовой институт, и служат для социальной идентификации.

Указанная неопределённость не позволяет полностью реконструировать социально-правовой статус маргинала ни в средневековой Руси, ни в средневековой Испании. Во многом это связано с вынужденным анахронизмом – применением современных терминов к историко-правовой действительности. В указанный период европейское общество и государство (к которому мы относим и Русь) находились в процессе становления, а следовательно, ещё не сложились социальные границы, нормы, группы и стереотипы [8, с. 117] даже для элитарных сословий [3].

Так, что целью настоящего исследования является не столько реконструкция правового статуса изгоя, сколько обрисовка основных черт его образа, сформированного в правосознании. Образ – понятие более широкое, включающее в себя не только правовые установления по поводу определённой группы, но и представление о ней, которое формируется в правосознании [10]. В рамках современной культурально-антропологической модели (а социальность является культурным [15] и антропологическим феноменом) в историко-правовой науке этот опыт служит первым шагом к заполнению существующих пробелов в знании о маргинальных социальных группах.

Формирование политико-правового пространства как объективное условие для появления маргинальных групп

Исходной точкой социальной эволюции славян можно считать, с одной стороны, общину, с другой – территориальные союзы. Эта общинность – основа средневековой русской жизни, что отражено, в частности, в Русской Правде, т. е. в сфере законодательства. По своей сути это семейная община, в которую включаются лица, не принадлежащие к семье. Но община в этот момент носила и территориальный характер, что требовало найти новые пути

для осознания общности и идентификации.

Следовательно, вервь представляется, с одной стороны, административно-правовой единицей, которая в первоначальные времена предстаёт как орудие политико-территориальной власти князя (как нарождающейся государственной власти). С другой стороны, в строении верви, вероятно, и до XIX в. прослеживается её кровно-семейная традиция. Отсюда и характер понятия «изгой» может быть различным, и трактовать его можно в расширительном и в более узком смысле. Исходя из первой позиции, понятие «изгой» становится правовым, а во втором случае его можно с большей уверенностью трактовать как социально-психологический статус. В рамках второго контекста в правосознании складывается правовой образ изгоя.

Возможно, этот процесс перерастания кровнородственной общины в территориальную влёт за собой также и добровольное «изживание» (понятие «изгой» российские учёные связывают с понятием «гоить», т. е. «жить»), уход людей, которые не желали быть связанными древними узами, поскольку существующая круговая порука тяжела как для самой верви, так и для тех, кто добровольно или вынужденно покидает её.

Приблизительно такие же процессы происходили в это же время в Европе. Сложившееся к X–XI вв. христианское европейское общество теряло кровнородственные связи между членами крестьянских и городских общин. Формирующиеся территориальные образования нуждались в идентификации и установления границ. Это способствовало созданию новых связей взамен утраченных. Община складывалась как социальная система, осознающая свою самость, которая неразрывно связана с феноменом «другого». Постепенно появляется совокупность признаков, которые позволяют, с одной стороны, связать воедино членов общин и других новых социальных образований, с другой – они очерчивают границы и обозначают сферы инаковости [21, р. 237].

Одновременно формируются более крупные образования – совокупность общин, связанных публичной властью в процессе становления. В средневековой Европе мыслители искали наиболее приемлемую социальную модель. Как раз в это время более или менее оформляется одна из них, называемая трёхчастной. Она появляется в IX в. и окончательно проявляется в XI–XII вв. Согласно этой модели, общество делится на священнослужителей, рыцарей и трудовой народ. Предполагается, что все они равнозначны [1], поскольку приносят пользу обществу, обеспечивают его существование. Даже если сделать предположение, что кто-то по какой-то причине исключался из всех 3-х групп, можно понять какое отношение в целом он к себе вызывал.

Такая модель, несомненно, знаменует становление монархии. Речь идёт о том, что складывается государственность современного типа, основополагающими признаками которой можно считать наличие границ на всех уровнях (как физических, географических, так и ментальных, социальных и т. п.).

Эта модель очень удобна своей компактностью. Существуют и другие, которые могут содержать до десятка, а то и более социальных групп. В ней можно более или менее однозначно выделить характеристики социального и политико-правового статуса членов этих групп. Но если рассмотреть эту модель внимательнее, то можно заметить, что в Европе существовало множество людей, которые не могли быть даже формально отнесены к этим группам, точнее, к последней, поскольку первые две были более компактными и формализованными. Ничто не мешает предположить, что и на Руси сложилась примерно такая же ситуация. Здесь тоже выделялись несколько групп в зависимости от разделения на город и деревню, основного занятия и степени свободы: общинники, горожане-ремесленники, купцы, духовенство, военная аристократия. Это нормальный процесс, связанный с укреплением социальной структуры, формированием

стабильных общественных, в т. ч. правовых, отношений.

Привязки к социальным группам ещё не сложились, поскольку не сложились и сами группы. Эти люди могли быть исключены из своей общины, например, по причине поведения, не вписывающегося в рамки существующей системы социальных норм. Они могли покинуть складывающуюся структуру добровольно. Выходит, что основополагающая характеристика совокупности таких лиц – это отсутствие жёсткой привязки к той или иной социальной группе, что влечёт за собой отсутствие соответствующего статуса.

Существует ещё один вариант обретения этого неясного статуса: прибытие в политико-правовую зону складывающегося государства или появление в нём объективным способом, но вне воли и желания обретающей свой статус публичной власти. Это, например, инокультурные компактные группы, которые обосновываются на определённой территории, а также дети от межкультурных браков. Сюда можно отнести и детей, рождённых в результате сексуального насилия в период военных действий [22, р. 26]. В этом случае не только отдельные социальные группы, но и государство в целом могут проявлять нетерпимость по отношению к тем, кто по какой-то причине, добровольно или вынужденно, не подчиняется установленному порядку или не вписывается в него.

Исследователями была выделена существенная особенность этой квазигруппы: изгой не обладает социально-ролевой основой, что означает, что, во-первых, они не обладают определённым набором социальных функций, а во-вторых, их положение в обществе неустойчиво, они не могут опереться на представителей какой-то группы, поскольку ни в одной из них не имеют положение, свойственное социальной роли. Их, собственно, мало что связывает, кроме статуса изгоя (или маргинала), что вызывает соответствующее отношение в общественном правосознании. Кроме того, статус изгойства означает, что эти люди вышли из определённой социальной

группы, но в каждый конкретный момент они не обладают одинаковым статусом, и к тому же у них нет одинаковых социальных, в т. ч. правовых, перспектив.

Особенности социально-правового статуса изгоев

Любопытный факт, касающийся социально-правового статуса изгоев, заключается в том, что они исключаются из политико-правового пространства, но не изгоняются за географические пределы рождающегося государства. Изгнание – это крайняя мера, на которую правительства идут редко, и оно свидетельствует о полном разрыве связей территориально-правового союза с конкретной социальной группой (например, мусульмане в Испании между 1609 и 1614 гг.). В этом случае испанских мусульман нельзя считать маргиналами или изгоями, но такая политика вытеснения их на периферию государственно-правового пространства проводилась в рассматриваемый период.

В XI–XIII вв. начинается Реконкиста, которая заключается в противостоянии между христианской и исламской цивилизациями не только на территории Испании. В Европе она выражается в Крестовых походах. Те мусульмане, чьи семьи проживали на территории Иберийского полуострова и соседствовали с христианами и иудеями, нередко делили не только деревню или улицу, но даже дом, объявлялись «чужаками». Пропаганда создавала устрашающий образ иноверцев, чтобы подготовить общество к политике вытеснения на периферию государственно-правовой системы. Возможно, с течением времени это послужило основой для физического изгнания мусульман, но в начале этого противостояния наблюдается классическая маргинализация. Обычно маргинальные группы не изгонялись, а вытеснялись на социальную или даже географическую периферию сообщества, а потому были лишены возможности полноценного участия в делах этого общества [25].

Наличие в обществе маргинальных групп, располагающихся на границах политико-правового пространства, определяет его структуру. Социальная и, в частности, правовая нормы потому и устанавливаются, что в правосознании появляется разрыв между добром и злом, хорошим поведением и плохим, между преступлением и наказанием. Социальное зло воплощается в фигуре маргиналов, поэтому средневековые авторы нередко подчёркивают, что те или иные группы относятся к маргинальным структурам, к изгоям.

Эту мысль подтверждает И. Я. Фроянов, анализируя некоторые славянские уставные грамоты. В частности, учёный отметил, что «уставная грамота князя Ростислава Мстиславича, учреждающая епископию в Смоленске, свидетельствует: “А се даю... Село Дросенское, со изгойи и з землею святей Богородици и епископу, и село Ясенское, и з бортником и з землею и с изгойи, святей Богородици и епископу...”» [19, с. 19]. Можно предположить, что в данном тексте речь идёт о том, что помимо обычных жителей, которые принадлежали к разным социальным группам и обладали устоявшимся статусом, проживало достаточное число изгоев, и автор текста умышленно подчеркнул разницу. Е. Н. Козловская указывает, например, что в вышедшие из холопства индивиды на неопределённое время могли оставаться на земле, принадлежащей бывшему хозяину [9]. Вероятно, в этом отрывке речь идёт о подобной ситуации. И. Я. Фроянов, правда, делает несколько иной вывод, показывая массовость такого явления как изгойство – целые сёла могли быть заселены исключительно такими людьми. Можно согласиться с А. Н. Поляковым, который оспаривает эту идею, показывая, что подобные абстрактные построения противоречат здравому смыслу [12, с. 294].

И. Я. Фроянов писал, что эти земли, исходя из анализа юридического документа, закрепляющего переход собственности, не принадлежали князю, но и не были общинными, а следовательно, являлись государственными [19]. Это довольно ин-

тересный вывод, который не только объясняет наличие целых поселений изгоев, но и доказывает, что уже в рассматриваемый период существовало различие (и князь это признавал) между частной собственностью князя (её можно приблизительно приравнять к европейскому домену) и землёй Руси. При этом последней князь имел право распоряжаться, например, через пожалование.

Несомненно, что такие поселения изгоев инициировались (или поощрялись) государством, и об этом можно судить, например, из рассуждения И. Я. Фроянова, который полагает, что государство проводило мероприятия по заселению незанятых земель, что обеспечивало казну за счёт выплат, которые взимались с проживающих там изгоев (точнее, людей, вышедших из традиционной социальной структуры) [19, с. 21], а заодно обеспечить местом проживания тех, кто не мог существовать в рамках общины. Впрочем, если судить по испанскому материалу, эти люди могли проживать на территории общины, но более или менее обособленно, что могло обеспечиваться за счёт различных запретов и знаков различий (например, запрет носить определённую одежду).

Простым людям не мешало культурное разнообразие или какие-либо установленные государством различия, приводящие к маргинализации, о чём свидетельствует немалое число браков, совершаемых между представителями разных религий [6, с. 15; 26] в средневековой Испании. Между разными социальными группами не существовало серьёзных перегородок, и люди вступали в самые разнообразные близкие отношения (не только сексуального характера). А. Тахири писал, что, например, последователи ислама и христиане не только жили в одном селении, нередко как соседи, т. е. не всегда проживали компактно, общинами, но даже могли делить один дом, если в нём проживало несколько семей [6, с. 154; 29, р. 139]. Типичные дома соседского типа в Испании сохранились и сегодня, так что можно составить впечатление о том, как могло быть организова-

но сожительство в более ранние времена. Довольно любопытно, что о таком типе поселения на русском Севере – домах, в которых проживали несколько семей, – писал М. Н. Покровский [11].

В действительности государство гораздо больше беспокоилось о том, что между теми, кого оно считало маргиналами, и теми, кто был «законопослушным гражданином», сохранялись и развивались интенсивные отношения. Поэтому время от времени правительство издавало правовые акты, регулирующие те или иные формы взаимоотношений. Нужно отметить, что маргиналы платили налоги, что подчеркнул и И. Я. Фроянов [19], говоря о русских изгоях (вероятно, отсюда и исходит не всегда правильно понимаемая ст. 1 Русской Правды, в которой изгой по цене за свою жизнь приравниваются не просто к свободным людям, но к тем, кто принадлежит довольно высоким сословиям). Следовательно, порой даже правящие классы не были заинтересованы в жёсткой сепарации. Как бы то ни было, применяемые меры не всегда приводили к должным результатам [28, р. 100], а судя по источникам, нередко это делалось по попустительству публичной власти.

Из сказанного можно сделать обоснованное предположение, что в указанном ранее документе речь идёт не просто о землях, заселённых исключительно изгоями или о «деревне изгоев», а о том, что изгоев, проживающих на территории общины, могли упоминать отдельно, чтобы получатель земли мог понимать, какие категории населения там проживают, т. е. что кроме общинников здесь есть люди, которые вышли или выпали из общей традиционной социальной структуры. И происходило это и в Испании, и на Руси.

Это отвечало интересам государственности несравненно больше, чем оставление их на произвол судьбы, когда община, по сути, отказывалась от таких людей. Известно, что большая их часть пополняла ряды лиц с девиантным, нередко криминальным, поведением. Вероятно, такое положение дел могло быть выгодно церкви,

которая тем или другим способом получала земли от князя или других владельцев, и живущие там частновладельческие или княжьи (государственные) крестьяне выходили из своего статуса. Было высказано мнение, что к таким изгоям могли относиться также бывшие холопы постригшихся в монахи лиц. В этом случае холопы должны были освободиться, но они продолжали существовать под началом своих бывших хозяев. Это понимание могло быть распространено на другие подгруппы изгоев, поскольку в указанный период, как на Руси, так и в христианской Европе, правовая сфера была неразрывно связана с церковью [2].

С другой стороны, изгои, желавшие вести законопослушный образ жизни, могли объединяться и даже создавать свои поселения именно на государственной (т. е. «ничейной», но находящейся под юрисдикцией государства) земле. Таких территорий в рассматриваемый период на Руси было очень много, поскольку рождающееся русское государство ещё было весьма неустойчивым и разбросанным на огромные пространства, часть из которых находилась под властью князя лишь номинально, а фактически на многие земли власть князя вовсе не распространялась. Такая же ситуация складывалась и в христианских королевствах Испании, где публичная власть находилась в процессе становления. Существовали огромные территории, которые не были сильно заселены, в особенности на пограничье между христианской и исламской цивилизацией. Там также могли концентрироваться и организовывать собственные поселения те люди, которые по каким-либо причинам покидали общины и разрывали социальные связи. Эта особенность складывающейся публичной власти эпохи формирования государственности обуславливает возможности выживания для изгнанных из общины или покинувших её самостоятельно, точно также как возможность экстенсивного землепользования для ряда общин.

Таким образом, изгоям, в особенности тем, кто вышел из социальной структуры

не по своей воле, логичнее всего было поселиться на государственной (ничейной), церковной (под защитой монастырей за определённую плату, которой являлся их трудовой вклад, что часто превращало их в подобие нечастновладельческих холопов) или княжьи (королевской) земле, чем на земле, принадлежащей аристократии, которая стремилась вернуть их в общины. В этом смысле аристократия способствовала развитию государственности современного типа, поддерживая единообразный правовой статус людей, проживающих на их территориях, хотя обычно именно сеньоры в Европе и старшие дружинники на Руси тормозили эти процессы, служа в качестве центробежных сил.

Вероятно, статус таких русских изгоев приближался к статусу королевских рабов Западной Европы. Однако была высока вероятность пожалования земли, а следовательно, такие изгои попадали под власть бояр и дружинников и получали статус холопов, насильственно возвращаясь в складывающуюся социальную структуру. Можно сделать предположение, что королевский раб в Испании или княжий холоп на Руси – это люди, находящиеся под специальной защитой публичной власти. Этот статус мог поддерживать их, не позволяя войти в состав криминальных маргинальных группировок. И напротив, некоторые из них, будучи приближенными ко двору, могли стать более значимыми людьми, чем некоторые аристократы. Хотя, конечно, нужно заметить, что таких людей было не так много. Большинство из них всё же возвращалось в социальную структуру, закрепляясь в ней в определённом качестве.

Описанная гипотеза, пожалуй, подкрепляется авторитетным мнением современного исследователя А. Н. Полякова, хотя и не всегда совпадает с мнением известных учёных, чьи исследования можно считать классическими. Возможно, предположения смелые, но они основываются на других методологических принципах, нежели те, на которых выстраивали свои концепции великие историки прошлого. Во-первых, мы привлекаем истори-

ко-сравнительный анализ, обосновывая критерии сравнения средневековых государств России и Испании, поясняя в каких случаях и почему мы считаем допустимыми аналогии. С другой стороны, это современная культурально-антропологическая парадигма, которая обязывает историка права несколько абстрагироваться от того, что написано в источнике, и попытаться реконструировать живое правосознание средневековых людей.

С этой точки зрения, нужно прислушаться к голосу А. Н. Полякова, который несколько иронично задаётся вопросом: «Трудно себе представить толпы разорившихся купцов и неграмотных попovichей, гуляющих по городам и весям и ничем не занимающихся. Совсем невозможно разглядеть среди этой воображаемой толпы осиротевших князей, даже в качестве отдельных экземпляров, не то, что целым отрядом, идущим вслед обнищавшим купцам и попovichам. В этой связи удивляет, почему принято думать, что холопов-вольноотпущенников было великое множество. Настолько много, что по воле исследователей они заселяли целые сёла, вместе с которыми и продавались» [13, с. 192].

Вопрос поставлен справедливо. Вероятно, известные и великие историки увлеклись буквальным толкованием источника и создали на этой основе картину, которая несколько не укладывается в понятие о реальности, пусть даже настолько далёкой от нас. Однако других вариантов нам пока разработать не дано. Впрочем, в качестве замечания можно заметить, что князей-изгоев, вероятно, всё же было не мало, и они, объединяясь, наносили довольно значительный ущерб князьям, которые, по их мнению, несправедливо получали престол.

Наиболее вероятным выводом может быть то, что социально-правовой статус изгоя является промежуточным. Выходя из одного статуса, в средневековом обществе необходимо приобрести некий иной, в противном случае такому человеку невозможно будет существовать. В Средние века не существовало индивидуальности,

и каждый человек определялся по тому, к какой группе он принадлежит. Трудно, почти невозможно прожить в обществе, функционирующем на основе общинных связей, не имея никакого социального статуса. Поэтому можно сделать предположение, что всегда существовала возможность потери социального статуса, вероятность порабощения для любого свободного общинника, когда он по каким-то причинам отрывался от своего сообщества, что делало его человеком, не способным более вести «нормальный» образ жизни. Не исключено также, что социальный институт изгойства отражал системные изменения в общественном строе, когда происходило формирование новых социальных групп, что порождало разрыв существующих социальных связей.

Освободившийся холоп становился изгоем на то время, пока не приобретал некоего социального статуса. Церковь старалась приходить на помощь таким людям, «опекая» их. Но вполне вероятна ситуация, когда ненашедшие своего места в социальных связях изгой либо становился маргиналами, либо вновь были вынуждены вернуться к холопскому образу жизни (а о том, что это было выгодно, свидетельствует наличие «захребетников», в т. ч. добровольных).

Заключение

Правовой статус изгоя или маргинала в средневековой европейской и русской правовой культуре нельзя считать полностью определённым. Это та группа, которая требует своих исследований. Его отверженность относительна, и она существует в более или менее завершённом виде в источниках, в т. ч. правовых. Это дало возможность историкам и историкам права, работающим в позитивистском ключе, создать нерушимую конструкцию, в рамках которой понятие изгойства и маргинальности всегда носит негативный характер.

Вместе с тем представители власти и простонародье в целом по-разному отно-

силось к этим людям. Отношение определялось не самим статусом изгойства, а тем, к какой именно подгруппе маргиналов они относились. Очевидно, что к преступнику, прокажённому, беглому должнику, выкупившемуся на волю холопу, паломнику, деревенской колдунье, сбежавшему мужу или жене, промотавшему состоянию купцу и т. п. было разное отношение. Поэтому, говоря об отверженности маргиналов, нужно понимать, что она относительная. Мир маргиналов огромный и разнообразный. Их могут физически устранять из общества, а могут лишь вытеснять на периферию. В любом случае их редко изгоняют из государства.

Как отметил Н. А. Сайнаков, всё многообразное сообщество маргиналов можно разделить на 2 большие группы [16]:

1) девианты или оппозиционеры по отношению к общественному устройству, те, кто стремится дезорганизовать общественный правопорядок, противопоставить себя ему. Нередко это те, кто добровольно выходит из социальной структуры, или те, кто покидает её по обстоятельствам, не зависящим от их воли, но не может вступить в иную социальную группу, найти себе источник пропитания, не связанный с противоправным поведением;

2) те, кто не противопоставляет себя обществу, те, кто пытается найти своё место в нём, не стремится к разрушению. В любом случае такое их положение ведёт к тому, что остальное общество не принимает их как равных себе.

В этом смысле можно согласиться с утверждением о казуальности поведения [18] людей, которые становятся маргиналами, будучи вытесненными на социальную периферию. В ряде случаев они могут находиться на границе, установленной официальной правовой культурой, между правомерным и неправомерным поведением [17], пересекая или не пересекая её в зависимости от обстоятельств.

Для самого государства изгой может быть очень важной фигурой, поскольку он представляет собой обратную сторону социального порядка и правоотноше-

ний. Его поведение, внешний вид могут служить образцом того, как не нужно поступать. Благодаря им, публичная власть легитимируется, поскольку они высвечивают те негативные стороны социального общежития, которые декларируются как нежелательные, в т. ч. с правовой точки зрения.

Проблема изучения изгоев и маргиналов связана с тем, что они не оставили о себе письменных известий. Их культура в основном была бесписьменной, а если какие-то источники и были, то официальная культура стремилась отправить и их на периферию общей культуры. Известно, что во все времена книжники держали у себя некие источники, связанные с теми или иными представителями маргинальной культуры, но поскольку они достоверно неизвестны, то эти сведения пока можно считать преданием, не имеющим под собой основания.

Официальным летописцам упоминания о маргиналах были нужны чаще всего для того, чтобы высветить положительные стороны официальной правовой культуры за счёт показа изнанки общества. Причём ни современники, ни исследователи Нового и Новейшего времени практически не уделяли маргиналам должного внимания. Фарисейская мораль XIX в. старалась замалчивать негативные стороны социальной жизни в тот момент, когда маргинальность и изгойство стали катастрофой, которая во многом стала одной из причин революционного движения.

Современная история права призвана вернуть средневековым маргиналам голос, путём реконструкции их правового статуса и образа, который формировался в рамках официального правосознания и закладывался в обыденное. Это большая и важная задача, поскольку на сегодняшний день в распоряжении учёных имеется не так много традиционных источников, позволяющих создать комплексный образ средневекового маргинала. Многие источники выстраиваются согласно типичному механизму формирования стереотипов, которые подчёркивают разницу между об-

ществом и «другими», формируя понятие инаковости [24]. Наверное, сегодня уже не стоит подчёркивать тот факт, что эти образы были далеки от реальности и представляли собой конструкции коллективного воображаемого.

Трудность заключается и в том, что, помимо лишения голоса в истории, маргиналы не были компактной группой, а представляли собой совокупность различных подгрупп, которых объединяло отсутствие или значительное умаление социального статуса, выпадение из социальной структуры. Поэтому их идентификационные границы, позволяющие чётко обрисовать их

правовой статус, размыты, а пространство, в котором они существуют (не только географическое, но и ментальное), формально не определено [23]. Тем не менее, как отмечают исследователи, их «безмолвность» не означает анонимность: особенности их образа в правосознании населения, и правовой статус можно определить по их «делам», т. е. по определённым проявлениям, в той или иной мере и тем или иным способом, запечатлённым в источниках разного уровня [14].

Статья поступила в редакцию 13.07.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнаутова Ю. Е. Модели истолкования социальной действительности в Средние века // Преподаватель XXI век. 2019. № 4–2. С. 241–252.
2. Бредихин А. Л. Правовая культура России в период ранней государственности (IX в. – середина XVI в.) // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 3. С. 8–13.
3. Васильев А. А., Мухопад В. В. Правовые предпосылки зарождения элиты в России X–XVII вв. // Пролог: журнал о праве. 2019. № 4. С. 2–10.
4. Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
5. Емченко Е. Б. Социальная стратификация и институты представительства по материалам Стоглава // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. №1. С. 64–86.
6. Калинина Е. Ю. Становление государственно-правовой системы средневековой Испании: цивилизационный подход: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2021. 398 с.
7. Княжев В. Ю. Изменение круга охраняемых правом отношений как показатель эволюции русской государственности в XI–XVII вв. // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 81–98.
8. Козловская Е. Н. К вопросу о проблеме актуальности смыслового содержания термина «социальный статус» в Древней Руси X–XIII вв. // Европа в Средние века и Новое время: общество, власть, культура: материалы VI Всероссийской с международным участием научной конференции молодых учёных. Ижевск: Ижевский институт компьютерных исследований, 2019. С. 116–122.
9. Козловская Е. Н. Социальная мобильность в Древней Руси (по материалам законодательных актов X–XIII веков) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2019. Т. 29. № 1. С. 135–140.
10. Обухова О. Н., Байкова О. В. Средства языковой объективации образа немецкого рыцаря в художественной картине мира Средневековья // Научный диалог. 2020. № 7. С. 158–176.
11. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времён: в 4 т. Т. I. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2020. 303 с.
12. Поляков А. Н. Киевская Русь как цивилизация. Оренбург: ОГУ, 2010. 484 с.
13. Поляков А. Н. К вопросу об изгоях в Древней Руси // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 10-1 (60). С. 191–193.
14. Розин В. М. Пролегомены к реконструкции социальности Средних веков // Культура и искусство. 2018. № 3. С. 21–32.
15. Розин В. М. Становление и этапы развития европейской социальности // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 1-1. С. 11–33.
16. Сайнаков Н. А. Изгойство и маргинальность в социальном пространстве Древней Руси // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 114–120.
17. Солдатов Я. В. Критерии правомерности аномативного поведения в истории западноевропейского средневекового права // Образование и право. 2018. № 10. С. 261–264.
18. Солдатов Я. В., Солдатова А. А. Современная концепция маргинального поведения: общетеоретические и методологические проблемы // Образование и право. 2019. № 6. С. 29–32.

19. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. 372 с.
20. Gutiérrez Bacos F. Los marginados en la pintura española de estilo gótico lineal: un discurso iconográfico para la afirmación de valores establecidos // *Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval*. Madrid: CSIC, 2009. P. 185–198.
21. Jakobsson S. Saracen Sensibilities: Muslims and Otherness in Medieval Saga Literature // *The Journal of English and Germanic Philology*. 2016. Vol. 115. № 2. P. 213–238.
22. Jotischky A. Ethnic and Religious Categories in the Treatment of Jews and Muslims in the Crusader States // Jotischky A. *Antisemitism and Islamophobia in Europe: a shared story?* London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 25–49.
23. Lahoz L. Marginados y proscritos en la escultura gótica. Textos y contextos // *Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval* / eds. I. M. Arias, A. B. Muñoz Martínez, F. V. Sebastián. Madrid, CSIC, 2008. P. 213–244.
24. López Q. J., Kazanski M., Ivanišević V. Ethnicities, entangled identities and Otherness in Late Antique and Early Medieval Europe. Views for an Interdisciplinary Research Agenda // López Q. J., Kazanski J. M., Ivanišević V. *Entangled Identities and Otherness in Late Antique and Early Medieval Europe*. Oxford, 2017. 237 p.
25. Manzi O. Los marginales en la Edad Media a través de los cuentos de Canterbury de Godofredo Chaucer // *Universidad*. 1979. № 92. P. 9–39.
26. Marín Guzmán R. Las fuentes árabes para la reconstrucción de la historia social de la España musulmana. Estudio y clasificación // *Estudios de Asia y Africa*. 2004. Vol. 39. № 3 (125). P. 513–572.
27. Medina B. Márgenes y marginados en el arte medieval. Los pecadores como marginados: el caso de la Lujuria [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/31982055/M%C3%A1rgenes_y_marginados_en_el_arte_medieval_Los_pecadores_como_marginados_el_caso_de_la_Lujuria (дата обращения: 25.06.2022).
28. Narbona Vizcaíno R. Tras los rastros de la cultura popular: hechicería, supersticiones y curanderismo en Valencia Medieval // *Edad Media: revista de historia*. 1998. № 1. P. 91–110.
29. Tahiri A. Las clases populares en al-Andalus. Málaga: Editorial SARRIA, 2003. 139 p.
30. Tartakoff P. Segregatory Legislation and Jewish Religious Influence on Christians in the Thirteenth Century // *Medieval Minorities: Law and Multiconfessional Societies in the Middle Ages* / eds. J. Tolan, C. Nemo-Pekelman, J. Mazur, Y. Masset. Turnhout: Brepols, 2017. P. 265–275.

REFERENCES

1. Arnautova Yu. E. [Interpretation models of social computing in the Middle Ages]. In: *Prepodavatel XXI vek* [Lecturer 21st century], 2019, no. 4–2, pp. 241–252.
2. Bredikhin A. L. [Legal culture of Russia in the period of early statehood (9th – mid-16th centuries)]. In: *Pravo: retrospektiva i perspektiva* [Law: retrospective and perspective], 2020, no. 3, pp. 8–13.
3. Vasiliev A. A., Mukhopad V. V. [Legal prerequisites for the emergence of the elite in Russia in the 10th–17th centuries]. In: *Prolog: zhurnal o prave* [Prologue: a journal about law], 2019, no. 4, pp. 2–10.
4. Grekov B. D. *Kiyevskaya Rus* [Kievan Rus]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1953. 568 p.
5. Yemchenko E. B. [Social stratification and institutions of representation based on the materials of Stoglav]. In: *Lokus: lyudi, obshchestvo, kulturny, smysly* [Locus: people, society, cultures, meanings], 2020, no. 1, pp. 64–86.
6. Kalinina E. Yu. *Stanovleniye gosudarstvenno-pravovoy sistemy srednevekovoy Ispanii: tsivilizatsionnyy podkhod: dis. ... dokt. yurid. nauk*. [Formation of the state-legal system of medieval Spain: a civilizational approach: Dr. Sci. thesis in Legal sciences]. St. Petersburg, 2021. 398 p.
7. Knyazhev V. Yu. [Changing the range of relations protected by law as an indicator of the evolution of Russian statehood in the 11th–17th centuries]. In: *Voprosy rossiyskoy yustitsii* [Issues of Russian justice], 2021, no. 11, pp. 81–98.
8. Kozlovskaya E. N. [On the issue of the semantic content relevance of the term «social status» in Ancient Russia in the 10th–13th centuries]. In: [Europe in the Middle Ages and Modern times: society, power, culture: materials of the VI All-Russian scientific conference of young scientists with international participation]. Izhevsk, Izhevsk Institute for Computer Research, 2019, pp. 116–122
9. Kozlovskaya E. N. [Social mobility in Ancient Russia (based on legislative acts of the 10th–13th centuries)]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology], 2019, vol. 29, no. 1, pp. 135–140.

10. Obukhova O. N., Baikova O. V. [Means of linguistic objectification of the image of a German knight in the artistic worldview of the Middle Ages]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2020, no. 7, pp. 158–176.
11. Pokrovsky M. N. *Russkaya istoriya s drevneyshikh vremen. T. I* [Russian history since ancient times. Vol. I]. Moscow, Berlin, Direct-Media Publ., 2020. 303 p.
12. Polyakov A. N. *Kiyevskaya Rus kak tsivilizatsiya* [Kievan Rus as a civilization]. Orenburg, OGU Publ., 2010. 484 p.
13. Polyakov A. N. [On the issue of outcasts in Ancient Russia]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2006, no. 10-1 (60), pp. 191–193.
14. Rozin V. M. [Prolegomins to the reconstruction of the sociality of the Middle Ages]. In: *Kultura i iskusstvo* [Culture and Art], 2018, no. 3, pp. 21–32.
15. Rozin V. M. [Formation and stages of development of European sociality]. In: *Idei i idealy* [Formation and stages of European sociality development], 2019, vol. 11, no. 1-1, pp. 11–33.
16. Saynakov N. A. Outcast and marginality in the social space of Ancient Russia]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2017, no. 414, pp. 114–120.
17. Soldatov Ya. V. [Criteria for the legitimacy of anormative behavior in the history of Western European medieval law]. In: *Obrazovaniye i pravo* [Education and Law], 2018, no. 10, pp. 261–264.
18. Soldatov Ya. V., Soldatova A. A. [The modern concept of marginal behavior: general theoretical and methodological problems]. In: *Obrazovaniye i pravo* [Education and Law], 2019, no. 6, pp. 29–32.
19. Froyanov I. Ya. *Kiyevskaya Rus: Glavnyye cherty sotsialno-ekonomicheskogo stroya* [Kievan Rus: The main features of the socio-economic system]. St. Petersburg, St.-Petersburg University Publ., 1999. 372 p.
20. Gutiérrez Bacos F. Los marginados en la pintura española de estilo gótico lineal: un discurso iconográfico para la afirmación de valores establecidos. In: *Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval*. Madrid, CSIC, 2009. P. 185–198.
21. Jakobsson S. Saracen Sensibilities: Muslims and Otherness in Medieval Saga Literature. In: *The Journal of English and Germanic Philology*, 2016, vol. 115, no. 2, pp. 213–238.
22. Jotischky A. Ethnic and Religious Categories in the Treatment of Jews and Muslims in the Crusader States. In: Jotischky A. *Antisemitism and Islamophobia in Europe: a shared story?* London, Palgrave Macmillan, 2017, pp. 25–49.
23. Lahoz L. Marginados y proscritos en la escultura gótica. Textos y contextos. In: Arias I. M., Muñoz Martínez A. B., Sebastián F. V., eds. *Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval*. Madrid, CSIC, 2008, pp. 213–244.
24. López Q. J., Kazanski M., Ivanišević V. Ethnicities, entangled identities and Otherness in Late Antique and Early Medieval Europe. Views for an Interdisciplinary Research Agenda. In: López Q. J., Kazanski J. M., Ivanišević V. *Entangled Identities and Otherness in Late Antique and Early Medieval Europe*. Oxford, 2017. 237 p.
25. Manzi O. Los marginales en la Edad Media a traves de los cuentos de Canterbury de Godofredo Chauser. In: *Universidad*, 1979, no. 92, pp. 9–39.
26. Marín Guzmán R. Las fuentes árabes para la reconstrucción de la historia social de la España musulmana. Estudio y clasificación. In: *Estudios de Asia y Africa*, 2004, vol. 39, no. 3 (125), pp. 513–572.
27. Medina B. *Márgenes y marginados en el arte medieval. Los pecadores como marginados: el caso de la Lujuria*. Available at: https://www.academia.edu/31982055/M%C3%A1rgenes_y_marginados_en_el_arte_medieval_Los_pecadores_como_marginados_el_caso_de_la_Lujuria (accessed: 25.06.2022)
28. Narbona Vizcaíno R. Tras los rastros de la cultura popular: hechicería, supersticiones y curanderismo en Valencia Medieval. In: *Edad Media: revista de historia*, 1998, no. 1, pp. 91–110.
29. Tahiri A. Las clases populares en al-Andalus. Malaga, Editorial SARRIA, 2003. 139 p.
30. Tartakoff P. Segregatory Legislation and Jewish Religious Influence on Christians in the Thirteenth Century. In: Tolan J., Nemo-Pekelman C., Mazur J., Masset Y., eds. *Medieval Minorities: Law and Multiconfessional Societies in the Middle Ages*. Turnhout, Brepols, 2017, pp. 265–75

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калинина Елена Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена;
e-mail: bellaflor@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Yu. Kalinina – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Theory of Law and Civic Law Education, Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: bellaflor@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Калинина Е. Ю. Маргинальность и изгойство как социально-правовой статус и образ правосознания в Древней Руси и средневековой Испании XI–XIII вв. Опыт сравнительного историко-правового исследования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 24–37.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-24-37

FOR CITATION

Kalinina E. Yu. Marginality and Outcastness as a Social and Legal Status and Image of Legal Consciousness in Medieval Russia and Spain of the 11th–13th Centuries. An experience of Comparative Historical and Legal Research. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 3, pp. 24–37.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-24-37